

RU

Критико-аналитический взгляд на современную телевизионную речь

Данилевская Н. В., Чиговская-Назарова Я. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить и описать особенности культурно-речевой ситуации, характерной для современного телевизионного журналистского дискурса. Систематизируются параметры нарушения языковой нормы в рамках звучащей речи журналистов. Основные методы – наблюдение, анализ, систематизация, сопоставление, интерпретация, обобщение. Материал исследования – тексты жанров «Новости» и «Политическое ток-шоу», представленные в ежедневном эфире центральных российских каналов. Научная новизна заключается в комплексном лингвостилистическом анализе современной устной телевизионной речи. В результате доказано, что нарушения нормы литературного языка в телевизионной речи идут по всем уровням языковой системы.

EN

Critical and Analytical View on Modern Television Speech

Danilevskaja N. V., Chigovskaja-Nazarova J. A.

Abstract. The purpose of the study is to identify specific features of the current cultural and speech situation in television journalistic discourse. Parameters of the language norm violation in journalistic speech are systematized. The following research methods are used: observation, analysis, systematization, comparison, interpretation, generalization. The research material includes texts of the “News” and “Political Talk Show” genres represented in broadcast schedule of the central Russian TV channels. Scientific originality of the study involves a comprehensive linguo-stylistic analysis of modern television journalistic speech. The research findings are as follows: the authors prove that violations of the literary norm in television speech affect all the levels of the language system.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что язык медиакоммуникации – это язык воздействия на социум, а значит, одновременно и язык его воспитания, мощный инструмент, с помощью которого общество не только узнаёт о событиях, но впитывает речевую манеру повествования, переносит эту манеру в стилистику повседневного общения, формируя тем самым свой языковой вкус и общий дух межличностного взаимодействия в национальном масштабе.

В 1995 году, в разгар «лихих девяностых», наблюдая за стремительными изменениями языка газеты, Г. Я. Солганик писал: «...после долгого господства однообразия, шаблона, унифицированности и официозности в современных газетах поражает прежде всего пестрота – языковая, стилевая, содержательная и идеологическая. Отмена цензуры, идеологических табу, строгих стилевых установок привела к раскрепощению традиционно-нормативного газетного языка» [22, с. 152].

Это новое для литературного языка постсоветского времени явление ученый назвал *демократизацией языка газеты* и считал, что наиболее ярко языковая демократизация проявляется в усилении оценочности, которая достигается за счет стилистически неоправданного перенасыщения газетных текстов просторечной и жаргонной лексикой [Там же, с. 153-163].

Анализируя причины языковой демократизации, исследователь подчеркивает, с одной стороны, ее закономерность (стремление журналистов уйти от устаревших канонов), с другой – ее опасность: «...чрезмерное насыщение текста жаргонизмами нивелирует, обедняет газетную речь, лишая ее многих важных для газеты стилистических регистров» [Там же, с. 162].

Можно ли сегодня сказать, что журналистика переболела этой «детской болезнью»? Избавилась ли медиакоммуникация (в 1995 г. еще не было этого термина) от стилистически неоправданной, часто даже шокирующей оценочности? Приходится констатировать, что нет, не переболела и не избавилась.

Безусловно, смена политической парадигмы в России дала толчок для серьезных изменений языка публицистики, явила собою «время либерализации языка, позволяющей реализовать установку на диалогическое общение и свободу выражения» [24, с. 313].

Исследователи Н. В. Грибачева и Н. М. Глушкова, размышляя над особенностями современной сетевой коммуникации, приходят к выводу о том, что журналистика сегодня все более становится *конвергентной* или, иначе, *мультимедийной*, объединяющей функции и возможности телевидения, Интернета, радио, газеты, что стирает границы между ними, превращая их в единый информационный ресурс [5, с. 45-46]. СМИ сегодня, как утверждают авторы, – это *журналистика погружения*, цель которой – легитимация социальной информационной реальности, придание ей характера нормы [Там же, с. 44].

Телевизионный эфир последних лет наполнен передачами, жанр которых определяется как *ток-шоу*. На самом деле *шоу* в этих передачах нет, а есть обсуждения журналистов с разными людьми (обычно политиками, общественниками, депутатами) одной или нескольких сформулированных проблем. Причем обсуждение выстраивается в стиле «разговора по душам», некоторого доверительного общения, посредством которого журналист погружает зрителя в легитимируемую им (журналистом) медийную реальность. Как замечает Н. В. Уканакова, в рамках таких телепередач журналист стремится не столько изложить объективную картину события и даже не столько понравиться адресату, сколько удивить, шокировать аудиторию, бросить вызов всему обществу и даже возвыситься над ним, в одиночку пойти против устоявшейся системы ценностей [25, с. 193]. Подобное речевое поведение получило название «язык вражды», ср.: «...враждебное отношение выражается через “конфликтно-агрессивный” способ говорить о предмете речи... Журналист в этом случае ведет себя так, как если бы тот (адресат. – Н. Д., Я. Ч.-Н.) был его личным противником» [1, с. 40].

Однако дело не только в этом. Конфликтно-агрессивный тип общения журналиста с другими/обществом неизбежно, как представляется, порождает – кроме намеренно создаваемого противостояния в позициях по обсуждаемому объекту – конфликт между речевой манерой журналиста и языковой нормой: журналист сознательно агрессивно выстраивает свое речевое поведение по отношению к существующим речевым традициям, языковым и стилевым стандартам.

Совершенно очевидно, что современная речевая практика журналистов и литературная норма находятся в таких отношениях, которые можно охарактеризовать словами В. Г. Костомарова: «...визуальное становится важнее вербального и в письме, и в звуке. В этом можно узреть византийскую логику, всегда ясную в тенденциях, но никогда в деталях» [13, с. 35].

Доказательство сказанного требует решения следующих задач: 1) выявить в звучащей с телеэкранов речи журналистов факты нарушения языковой нормы; 2) проанализировать параметры выявленных нарушений; 3) систематизировать выявленные речевые ошибки; 4) проанализировать стилистические особенности речи журналистов, ведущих телепередачи в жанре ток-шоу; 5) дать лингвостилистическую и нравственно-этическую оценку выявленным в журналистской речи фактам нарушения языковой нормы.

Можно сказать также, что в настоящем исследовании представлена попытка вскрыть факты *пренебрежительного отношения* журналистов к своей «священной» задаче – сохранять и сберечь «правильность образованного языка», что только и способно «разумно удлинить срок его службы на благо людям, государственному и культурному единству общества» [Там же, с. 208].

Еще в конце 90-х годов предшествующего столетия Т. М. Николаева сформулировала первые замечания о появившейся в речевой практике журналистов тенденции к намеренному отступлению от нормы и высказала опасения, что такое речевое поведение может привести к изменению системы языка [16]. Уже в начале 2000-х гг. О. Б. Сиротина признавала, что намеренные речевые нарушения в речи журналистов из тенденции превратились в норму, а системные языковые изменения в результате этого стали фактом [19].

Большое влияние на узаконивание в общественном сознании «не нормы» как «нормы» [13, с. 200-207] оказывает, как уже отмечалось, доверительный тон общения современных СМИ, и в частности телевидения, где большое по объему и стабильное место занимают передачи, носящие формат свободной дискуссии, непосредственного, как бы свободного разговора «на равных». Это обстоятельство способствует проникновению в открытый эфир ненормативной речи, выходящей за рамки не просто допустимого, но такого, на что традиционной нормой всегда был наложен строгий запрет.

Стоит отметить, что ставший популярным на телевидении формат свободной дискуссии (доверительного диалога) является одним из приемов журналистики погружения. Действительно, преследуя цель шокировать адресата и воздействовать на его сознание, журналист «буквально “погружает” читателя в описываемые события, применяя целый спектр всевозможных средств – начиная от обилия изобразительных средств текста (порой нарочитой избыточности с целью передать собственный эмоциональный настрой) до метафор “органов чувств” (вкусовых, зрительных слуховых, тактильных) и техники “программирования”, погружения реципиента текста в ситуацию» [6, с. 54].

Вместе с разговором «по душам» через речевой ряд телевизионных каналов в сознание людей активно проникают ненормативные, некодифицированные лексика и грамматика. Поскольку большую (если не большую) часть общества составляют носители невысокой – среднелитературной – речевой культуры, противостояние узусу оказывается либо слабым, либо вообще стремится к нулю [19]. В результате в широкое употребление входят единицы и приемы, с точки зрения литературного языка представляющие собой банальную ошибку. Многие из таких единиц лингвисты, вслед за О. Б. Сиротиной, уже прозвали «речевыми

уродцами»; см., например: *вызовА, актА, осУжден, ходатАйствовать, аккурат, крайний* (в значении 'последний'), *по ходу* (в значении 'похоже'), *по новой* (в значении 'снова', 'опять') и т.п.

Можно было бы не обращать особого внимания на специфику журналистского отношения к литературной и стилистической норме, если бы доступность телевидения не делала журналистскую речь – со всеми ее особенностями – естественным коммуникативным окружением ежедневной жизни каждого современного человека. Во многом под влиянием именно медийной коммуникации с ее направленностью *на свободу* высказывания серьезно изменилась сегодня не только официальная публичная речь, но и устная массовая коммуникация в целом (порой кардинальным образом по сравнению с русским языком даже середины двухтысячных, не говоря уже о более раннем времени).

В унисон сказанному звучит вывод О. С. Иссерс о размытости и неопределенности представлений о речевом идеале даже у преподавателей русского языка и литературы, то есть у тех, кто транслирует знания о языке молодому поколению [8]. Очевидно, что размыванию контуров речевого идеала сегодня во многом способствует именно коммуникативная практика СМИ, и телевидения в частности. Более того, если, вслед за И. А. Стерниным, понимать риторический идеал как феномен национального сознания, то есть как совокупность представлений об идеальной речи, существующую в сознании носителей русской коммуникативной культуры [23], можно говорить о существенных изменениях этой сферы национального сознания. Ежедневно звучащие с телеэкранов нарушения литературной нормы перестали шокировать и возмущать сознание одних (лингвистически образованных), а для других стали нормальной, как бы официально разрешенной («По телевизору ведь так говорят!») речевой практикой.

Однако важно, что речь идет вовсе не о той или иной степени кодифицированности высказываний журналистов: живое диалогическое общение само по себе предполагает возможность, а часто и необходимость выйти порой за рамки нормы с целью создания яркого, экспрессивного, «свежего» образа, помогающего адресату лучше осознать суть высказывания, глубже понять рассматриваемую проблему. В центре нашего внимания – такие нарушения литературной нормы, которые свидетельствуют уже не о демократизации языка [12; 13; 22], а именно о его вульгаризации, часто *сознательном* снижении журналистами уровня культуры речи. При этом если учесть, что анализу подвергалась речь ведущих российских журналистов, приходится согласиться с опасением многих ученых за устойчивость языковой системы: турбулентность нормы в современной массовой коммуникации создает условия для утраты смыслообразующих возможностей языковых единиц, для ослабления значимости смыслоорганизующих правил сочетания компонентов высказывания [14; 15; 18].

Вообще, по замечанию В. Г. Костомарова, «в XX столетии русский язык то и дело восходил на Голгофу» [13, с. 210]. Так, например, в 1939 г. Г. О. Винокур в своем докладе «Язык писателя и норма» подчеркивал невозможность того, чтобы писатели в своих произведениях размывали литературный русский язык диалектными единицами, при этом ученый особенно настаивал на опасности этой ситуации для того времени – времени формирования литературного языка советской эпохи. См.:

«Бывают такие времена, когда писатель может вести себя безответственно: говорите, как хотите, а я буду свое дело делать. Действительно, так было в гоголевскую эпоху. Это было не страшно, потому что общие нормы были достаточно твердые и незакрепленные. Но бывает и другое время...» [4, с. 28].

Представляется, что сегодня именно то, «другое» время: хлынувший с телеэкранов поток языка улицы (определение Г. Я. Солганика), звучащий ВЕЗДЕ и ОДНОВРЕМЕННО и не подвергающийся какому-либо критическому анализу специалистов, способен нанести серьезный ущерб литературному русскому языку как хранителю тонкого баланса между неизбежностью национального развития и необходимостью покоя национального сознания.

Нельзя сказать, чтобы в лингвистическом сообществе до сих пор не предпринималось критического анализа журналистской речи. Напротив, в последнее время многие специалисты пишут о своеобразной моде журналистов на узуальную норму, то есть на речь по принципу «говорим так же свободно и экспрессивно, как говорят все», см., например, работы: [1; 3; 7; 11; 12; 14; 15; 17; 20; 21; 26–28]. При этом тревожные суждения лингвистов связаны с тем, что все, написанное в газетах, звучащее в радио- и телепередачах, неизбежно воспринимается обществом как норма, как нечто приемлемое, часто даже образцовое [18]. Однако специальных исследований, посвященных анализу и систематизации наполняющих медиaprостранство «журналистских вольностей», недостаточно для того, чтобы культурно-речевая ситуация в этой области начала хоть как-то меняться. А между тем положение дел таково, что только серьезный научно-критический анализ может помочь переломить сложившуюся ситуацию. Сказанное свидетельствует о теоретической значимости рассматриваемого вопроса.

Теоретическую базу исследования составили работы Г. О. Винокура, О. Б. Сиротининой, В. Г. Костомарова, Г. Я. Солганика, А. П. Сковородникова, О. А. Крыловой, Л. П. Крысина и др.

Для объективности исследования материалом анализа были избраны, во-первых, тексты известных медийных личностей, журналистов, давно и на постоянной основе работающих на центральных государственных каналах российского (русскоязычного) телевидения; во-вторых, в центре внимания находятся контенты таких телевизионных жанров, как «Новости» и «Политическое ток-шоу», ежедневно представленных в эфире; в-третьих, специальное внимание уделялось таким программам, отличительной чертой которых являются популярность (высокий рейтинг просмотров) и наличие живой/свободной/спонтанной речи, предназначенной для непосредственного восприятия массовым адресатом.

Методологической основой исследования служат функционально-стилистическая концепция проф. М. Н. Кожинной и ее идея об объяснительной силе базовых экстралингвистических факторов, предопределяющих принципы отбора и сочетания языковых средств в конкретном высказывании [24, с. 625].

Основными методами предпринятого исследования являются наблюдение, анализ, систематизация, сопоставление, интерпретация, обобщение.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения его результатов в вузовской практике при обучении студентов-журналистов теоретическим основам журналистского дискурса и основам речевого мастерства.

Основная часть

Результаты проведенного нами анализа «звучащей» речи телеэфира (текстов самых популярных новостей и социально-политических передач) позволяют констатировать следующее:

1) нарушение литературной нормы во многом зиждется на сознательном снижении журналистами своей речевой культуры: если в начале перестройки нарушения речевой нормы в медиатекстах фиксировались в основном на уровне орфоэпии (в звучащем тексте) или орфографии и пунктуации (в письменном газетном тексте), то сегодня широко распространились нарушения логики построения высказывания, вплоть до нарушения правил использования системных связей языка;

2) турбулентность нормы в современной массовой коммуникации создает условия для утраты смысло-различительных возможностей языковых единиц, для ослабления значимости смыслоорганизующих правил сочетания компонентов высказывания.

Рассмотрим лишь некоторые из самых частотных случаев речевых нарушений в телевизионном медиадискурсе (Таблица 1).

Таблица 1. Примеры девиации языковой нормы в телевизионных текстах (в круглых скобках для большинства цитат приводятся даты их звучания в эфире)

<i>Несоблюдение орфоэпической нормы</i>		
Канал/Программа	Журналист	Речевой факт
Все каналы / Все программы	Практически все журналисты. О. Романова	<i>Укра́инский, укра́инка, укра́инцы. Вертолёт Укра́инка</i> (февраль 2019).
Первый канал: «Вести»		<i>В этих областях в ближайшее время возможны снежные метели</i> (март 2019).
Россия 1: «Вечер с В. Соловьёвым»	В. Соловьёв	<i>Вы что, когда-то дрáлись за эту землю?</i> (в эфире звучит часто). <i>А сколько зара́женных сейчас уже в одной только Москве?</i> (19.04.2020).
Россия 24: «Новости экономики»		<i>За последний год газовая компания добыла втрое больше объемов газа по сравнению с прежним годом</i> (16.04.2019).
НТВ: «Новости с Ольгой Беловой»	О. Белова	<i>На ворé, как говорится, и шапка горит</i> (25.04.2020).
<i>Несоблюдение лексической нормы</i>		
Канал/Программа	Журналист	Речевой факт
Все каналы / Все программы	Практически все журналисты	<i>Кушать/кушайте; крайний (=последний); по ходу; по любому и т.п.</i>
Россия 1: «60 минут»	О. Скабеева	<i>Обстрелы усилились аккурат перед праздником</i> (10.03.2019).
Россия 1: «60 минут»	Е. Попов	<i>Если сейчас не поможем нашим фермерам, что кушать будем через год?</i> (февраль 2019).
Россия 1: «60 минут»	Е. Попов	<i>Тараканы и грязь – это значит, что плохо убираются</i> (16.01.2019).
Первый канал: «Вести»	А. Лякин	<i>А в этом фильме она безуспешно пытается очаровать коллегу по работе</i> (08.02.2019).
Россия 24: «Новостной блок»	Н. Соколов	<i>Если говорить о касатках, эти животные очень образованные</i> (01.03.2019).
Россия 1: «Вечер с Вл. Соловьёвым»	В. Соловьёв	<i>Мы не будем играться с Европой!</i> (21.02.2019).
Первый канал	Реклама между новостными блоками	<i>Сегодня на нашем канале новые серии легендарного сериала «Склифосовский».</i>
<i>Несоблюдение грамматической нормы</i>		
Канал/Программа	Журналист	Речевой факт
1. Уровень словообразования		
Первый канал: «Время покажет»	А. Шейнин	<i>70 лет будет НАТО в апреле двухтысячдевятнадцатого года</i> (16.01.2019).
Первый канал: «Время покажет»	А. Шейнин	<i>Григорий, вы будете делать крайнюю попытку ответить?</i> (30.01.2019).
НТВ: «Новости недели с Ирадой Зейналовой»	И. Зейналова	<i>Выйдет ли США из НАТО? – Навряд ли</i> (20.01.2019).
Россия 24: «Вести»	В. Кармазин	<i>Все это говорит о большой конкурентноспособности у липецкого станкостроительного завода.</i>
Россия 1: «Вечер с Вл. Соловьёвым»	В. Соловьёв	<i>Зацените, что сказал Порошенко...</i>

2. Уровень словосочетания и сочетания слов		
Россия 24: «Религия и мир»		<i>Патриарх отметил о том, что уроки семейного воспитания должны входить в семинарское образование.</i>
Россия 1: «Вести недели»	Д. Давыдов	<i>Пятеро за столом, двое других вот-вот придут со школы (о многодетной венгерской семье. – Н. Д., Я. Ч.-Н.) (30.03.2019).</i>
Россия 1: «60 минут»	Е. Попов	<i>У большей половины нашего населения живут родственники в Донбассе (13.02.2019).</i>
Россия 1: «60 минут»	Е. Попов	<i>Завтра в еврокомиссии будут прорабатывать и обсуждать на тему санкций по отношению к России (15.02.2019).</i>
Первый канал: «Время покажет»	А. Шейнин	<i>Мы понимаем о том, что эта история не о Мадуро, это обо всех нас (18.01.2019).</i>
3. Уровень предложения (высказывания)		
Первый канал: «Вести»		<i>Злоумышленница забралась в автомобиль, пока хозяйка вышла, чтобы его заправить (11.03.2019).</i>
Россия 1: «60 минут»	С. Килинкаров – приглашенный эксперт	<i>Дай Бог освоить Украине свои территории, не говоря уже о Кубани (точный повтор этой фразы был выведен редактором на экран в качестве ключевого высказывания эксперта. – Н. Д., Я. Ч.-Н.).</i>
НТВ: «Вести с Ирадой Зейналовой»	И. Зейналова	<i>Меланья Трамп, конечно, хотела сделать как лучше, но не могла придумать ничего хуже, пригласив Джошуа Трампа на заседание Конгресса (10.02.2019).</i>
Россия 1: «Вечерние вести»	Репортаж о непогоде и ураганном ветре на Кольском полуострове	<i>На Кольском полуострове к таким природным катаклизмам уже давно привыкли. Притом с 19-го февраля ожидается потепление (18.02.2019).</i>
Первый канал: «Время покажет»	А. Шейнин	<i>Есть в этом зале рисковый парень, кто ставит в 12 раз на успех Терезы Мэй?</i>
Россия 1: «Пермские новости»	А. Казин. Репортаж о погибшем год назад 12-летнем мальчике, курсанте суворовского училища	<i>Форма пришла ребенку кстати (в смысле к лицу) (12.02.2019).</i>

Все перечисленные выше примеры кажутся незначительными и при беглом взгляде не вызывают никаких опасений. Но это только при беглом взгляде. Дело в том, что под давлением свободы слова, часто близкой к языковой разнузданности, происходят не только разрушения смысловозначительных возможностей языка и его системных отношений – формируются привычка говорить неправильно (ненормативно), стремление черпать экспрессию из запасов просторечной, жаргонной, вплоть до инвективной лексики и фразеологии. И этот процесс, как кажется, растет в геометрической прогрессии. Не случайно в последние годы резко увеличился агрессивный компонент в межличностной коммуникации; даже в речи подростков выразительность реализуется во многом за счет бранной и жаргонной лексики, которая, видимо, кажется молодому поколению более экспрессивной и содержательной, чем выразительные средства литературной речи.

В одной из своих телепередач политолог А. Михеев однажды сказал: «В последние годы за словами вообще перестали следить. В том числе и политики. Слова перестали что-либо значить» (социально-политическое ток-шоу «Кто против?». 11.02.2019). Трудно не согласиться с этим мнением. Точность, ясность употребляемых слов перестала быть актуальной не только для среднестатистического носителя русского языка, но и для журналистов, а также для создателей разного рода телетекстов, например рекламных роликов. В последнее время в рекламе стали появляться такие вербальные элементы, значение которых не вписывается в смысловой контекст всего рекламного текста (одного конкретного ролика) – ни в его языковой, ни в его визуальный ряд. Например:

а) реклама средства от кашля «Бромгексин»: молодой человек кашляет так, что сотрясается весь дом; обеспокоенные соседи советуют ему принимать Бромгексин; в завершающем фрагменте ролика выздоровевший молодой человек говорит своей соседке: «**Пригодилось** тогда ваше средство!». Однако, согласно данным словаря, семантика глагола *пригодиться* иная, а именно «оказываться годным, полезным для кого-либо, чего-либо» [2]. Контекст данной рекламы, ее общий смысл и цель требуют лексемы *помогать*, так как задача рекламы – убедить в том, что Бромгексин является лекарством, которое «приводит к нужному результату, оказывает нужное действие, излечивает» (ср. второе значение глагола *помогать* в толковом словаре: помогать – 1. Оказывать помощь, поддержку кому-либо, чему-либо. 2. Приводить к нужному результату, оказывать нужное действие; приносить пользу, излечивать [Там же]);

б) реклама смартфонов: молодая семья, купив смартфон, выиграла поездку на море; в конце сюжета со счастливым отдыхом на экране появляется декорация с видом на море и пальмами; последние слова главного героя: «Хотя бы это не показывайте!». Эта последняя фраза нарушает логику рекламного сюжета тем, что усилительно-выделительная частица *хотя бы* входит в противоречие с содержанием всей предшествующей части ролика. *Хотя бы* «близко по значению к словам *по крайней мере, по меньшей мере, даже, пусть, хоть*» [Там же], то есть в целом обладает присоединительно-уточняющим значением. В данном же контексте эта частица «повисает в воздухе», так как предшествующая часть не является тем, что требует дополнения

или уточнения; к тому же благодаря частице *хотя бы* здесь возникает непредусмотренный концепцией ролика подтекст со значением 'необходимость изъятия *очень плохой* части из *в целом плохого* общего', что применительно к рекламе воспринимается так: вообще-то все плохо, но хотя бы это не показывайте.

А ведь еще недавно подобных случаев в рекламной коммуникации практически не было.

Важно также отметить, что стилистика телевизионного дискурса, особенно в жанрах ток-шоу, становится все более агрессивной, регистр тональности часто снижен до уровня уличного общения и даже до бранной речи. Ср. заполнившие эфир языковые единицы типа *идиоты, недоумки, ублюдки, тупые, подонки, отродье, мразь, сволота* (бандеровская), *выродки, уроды* и т.п. Например:

а) «Время покажет»:

А. Шейнин, обращаясь к К. Шахназарову: *Вы, Карен Георгиевич, показали, что американцы тупо не учатся на тех ошибках, которые сделали* (30.01.2019).

А. Шейнин, размышляя: *Чем отличается политика от шоу-бизнеса? Все долгоиграющие сериалы заканчиваются перед новым годом. Самая последняя серия – и все такие «Ооохх», выдохнули, и всё. В политике не так: пофиг новый год – все продолжается* (16.01.2019).

А. Шейнин, задавая вопрос одному из экспертов: *Допустим, Парламент Терезу прокатывает, что дальше?* (25.03.2019);

б) «Вечер с Владимиром Соловьевым»:

– Ариэль Коэн: *Венесуэла обладает самыми большими запасами нефти в мире.*

– В. Соловьев: *И это дает вам право их хреначить?!* (24.02.2019).

В. Соловьев, обращаясь к В. Ковтуну: *Дорог у вас вообще нет, а тротуары давно дерьмо* (25.02.2019).

В. Соловьев: *А какого хрена вы встречали фашистов цветами?!*

Обращаясь к В. Ковтуну: *Тупой! Ну, открой Гугл! Хоть чем-то поинтересуйся, кроме унитазов и немецких публичных домов! <...> Чем ты можешь засорить голову? Она у тебя и так все время грязная!* (25.02.2019).

В одной из своих статей Л. П. Крысин обосновал сосуществование нормы и узуса как некоторую антиномию, как единство противоречий, взаимодополняющих друг друга и развивающих своим умеренным противоборством сам язык, его системные отношения. Однако он же подчеркивал и опасность нарушения равновесия между этими антагонистами, ибо то, «что рождается в непрестижной, социально низкой и малокультурной среде... может проникать в речь других социальных групп, в том числе и в речевую практику носителей литературного языка» [15, с. 305]. Очевидно, что мы являемся свидетелями именно этого процесса: речевая практика представителей, казалось бы, высокообразованных, творческих слоев населения, всегда ассоциируемых обществом с культурной элитой, интеллигенцией, все менее соответствует этому уровню, все более дрейфует из области среднелитературного типа речи в область **литературно-разговорного**, часто смыкающегося с **фамильярно-разговорным** типом речевой культуры, по сути, – антикультуры.

В. Н. Базылев совершенно справедливо пишет по этому поводу следующее: «Работа профессионального журналиста, так же как подготовка будущего журналиста, связана с формированием и поддержанием фрагментов профессиональной компетенции. Она предписывает ему рефлексировать порождаемые в современных отечественных и зарубежных СМИ дискурсы» [1, с. 30]. Ученый также подчеркивает, что описание и комментирование какого-либо дискурса в журналистской практике «может вести к оценочности, реально или виртуально присутствующей в тексте. Это требует от журналиста серьезной ауторефлексии, которая невозможна без обращения к справочным изданиям по русскому языку» [Там же, с. 42].

В свете сказанного невозможно не вспомнить о разрушительной силе влияния неграмотной речи на формирование языковых навыков и речевой культуры молодого поколения. Многие специалисты сегодня отмечают, что под воздействием заполнившего телевизионный эфир фамильярно-разговорного типа речи большая часть современных молодых людей стремительно теряет связь с национальной культурой, с историческим контекстом, с языковыми традициями и навыками русского речевого производства, а значит, разрушается, растворяясь в глобалистской массовой наднациональной культуре, русская национальная картина мира (см. подробнее: [10]). Особенно четко это обстоятельство проявляется в школьных сочинениях, написанных в рамках единого государственного экзамена (ЕГЭ).

Заключение

Завершая анализ современной телевизионной речи, сформулируем основные выводы, логично вытекающие из представленного анализа:

1. Современный телевизионный язык вступает в конфликт с канонами нормативной, в том числе традиционной, русской массовой коммуникации: повсеместно нарушается правило *уважительного* диалога, в том числе принцип *обмена* мнениями, а не «закрикивания» коммуникантами друг друга; во многих случаях типичной манерой общения становится *грубость*, вплоть до открытого унижения оппонента; входят в привычку ты-общение и западный тип обращения – только по имени, без отчества; повсеместно приветствуются категоричность и прямолинейность суждений, отчего типичной становится речевая ситуация *наклеивания ярлыков*, что в русской картине мира всегда отвергалось даже на уровне бытового сознания, и др.

2. В речи журналистов почти повсеместно нарушаются языковые и речевые (стилистические) нормы. Подчеркнем: нарушение норм литературного языка сегодня не является чем-то экзотическим, это в целом стало вполне привычным явлением. Здесь главное в том, что чистота нормы не соблюдается в речи о б р а з о в а н н ы х людей – журналистов, прошедших в вузах специальное многолетнее обучение словесному ремеслу.

3. Девиантная с нормативной точки зрения и при этом постоянно звучащая с каналов центрального телевидения речь способна воздействовать на сознание массового адресата как ластик, стирающий ранее сформированные (например, в школе) знания о литературной норме; подобного рода коммуникативное пространство приучает людей невнимательно, свысока относиться к традициям публичной и межличностной русской речи.

4. Известно, что укрепление речевой традиции, более строгое и требовательное отношение к нормативному аспекту публичной речи усиливаются во время социально-экономической, политической и культурной стабилизации общества. В такие времена неузуальные речевые факты если и проникают в публичные сферы литературного языка, то с большим трудом. Сегодня социально-экономическая ситуация в стране далека от устойчивой, и это влечет за собой неустойчивость в сфере культуры, в том числе речевой. Ослабление среди журналистов *профессионального отношения* к литературному типу языка, их пренебрежительное отношение к приоритетности кодифицированной нормы, стремление быть выразительным любой ценой объясняются, безусловно, целым комплексом разных причин. Однако главная из них, как представляется, кроется в личности самого журналиста: работник публичной сферы не должен забывать о своей *ответственности перед обществом*, не может не задумываться над тем, *как слово его отзовется в душах* тех, для кого он работает, к кому обращает свои экспрессивные высказывания. В конце концов, ведущая цель журналистики – воспитание (в широком смысле слова) общества и отдельного гражданина, это, если угодно, и ее социальная функция, назначение.

5. Безусловно, решение этой серьезной проблемы должно быть комплексным. Один из путей решения – нетерпимое отношение образованных людей (и прежде всего лингвистов, филологов) к сложившейся ситуации, к тому, что звучит из уст журналистов. Необходимо более активное критическое обсуждение этой проблемы в научных и общественных кругах.

6. Для решения этой проблемы потребуются усилия многих государственных институтов: во-первых, образовательных, начиная с детского сада, школы и заканчивая вузом; во-вторых, институтов средств массовой информации, от которых уже давно требуется (и ожидается обществом!) изменение редакционной политики в сторону ужесточения борьбы с языковой разнузданностью; в-третьих, изменение государственной языковой политики, в частности отказ от декларационной позиции и переход к реальной заботе о сохранении национального богатства – русского языка. С. П. Капица, советский и российский ученый-физик, просветитель, телеведущий, однажды справедливо сказал: «Культуру надо насаждать! Даже силой... Иначе нас всех ждёт крах» [9].

В качестве перспективы исследования рассмотренной проблемы следует указать дальнейшее изучение фактов речевой девиации в звучащем телевизионном дискурсе с целью, во-первых, более детальной систематизации допускаемых журналистами ошибок, во-вторых, их стилистической интерпретации, а также, в-третьих, для разработки новых обучающих методик и методических пособий, применяемых в курсе «Русский язык для журналистов» в вузовской практике.

Список источников

1. Базылев В. Н. Инвективность медийного языка: логика понятия и оценочные коннотации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2019. Вып. 16. С. 30-43.
2. Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (дата обращения: 16.04.2020).
3. Вепрева И. Т. О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: норма и мода // Русский язык сегодня. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2006. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. С. 111-119.
4. Винокур Г. О. Язык писателя и норма // Russian Philology and History / ed. by W. Moscovich et al. Jerusalem, 1992. С. 19-33.
5. Грибачева Н. В., Глушкова Н. М. Конвергентная журналистика и журналистика погружения: обзор стратегий (де)легитимации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2019. Вып. 16. С. 44-54.
6. Дискурс легитимации: язык и политика в эпоху глобальных вызовов. Красноярск: СФУ, 2019. 212 с.
7. Дымарский М. Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // Русский язык сегодня. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2006. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. С. 173-186.
8. Иссерс О. С. Представления о речевом идеале, языковых приличиях и языковом вкусе (по данным пилотного социолингвистического эксперимента) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 95-111.
9. Капица С. П. Культуру надо насаждать! Даже силой... Иначе нас всех ждёт крах [Электронный ресурс]: интервью // Аргументы и факты. 2008. 13 февраля. URL: <https://aif.ru/archive/1665533> (дата обращения: 15.08.2020).
10. Клушина Н. И. Русский национальный стиль и его реализация в текстах современных СМИ // Stylistyka. 2012. Т. XXI. С. 19-33.

11. Костомаров В. Г. Памфлеты о языке: родном, благоприобретенном и русском языке в Евразии. М.: Флинта; Наука, 2017. 90 с.
12. Костомаров В. Г. Стилистика, любовь моей жизни... СПб. - М.: Златоуст; Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. 184 с.
13. Костомаров В. Г. Язык текущего момента. Понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.
14. Крылова О. А. Речевая культура и языковая политика в современном российском обществе // Русская речь. 2006. № 1. С. 52-56.
15. Крысин Л. П. Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2006. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. С. 294-311.
16. Николаева Т. М. Две заметки о «новом» в русской речевой коммуникации // Русский язык в его функционировании. М.: Рус. словари, 1998. С. 80-83.
17. Полякова Е. К. Риторический идеал в русском коммуникативном сознании (психолингвистическое исследование): дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2003. 284 с.
18. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
19. Сиротинина О. Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка // Русский язык сегодня. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2006. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. С. 490-499.
20. Сквородников А. П. О понятии «русский риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Словарь и культура русской речи: к 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 318-326.
21. Сквородников А. П. Риторический идеал // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2007. С. 596-597.
22. Солганик Г. Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994 гг.) // Stylistyka. 1995. Т. IV. С. 152-163.
23. Стернин И. А. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 3. Коммуникативное поведение. С. 5-13.
24. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2011. 694 с.
25. Уканакова Н. В. Когнитивный механизм выражения авторского «я» в процессе формирования текстовой проекции (на материале вторичных авторски-сфокусированных текстов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 191-201.
26. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2017. 128 с.
27. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта; Наука, 2018. 201 с.
28. Шмелев А. Д. Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Вып. 13. Культура русской речи. С. 184-191.

Информация об авторах | Author information

- RU** Данилевская Наталия Васильевна¹, д. филол. н., доц.
 Чиговская-Назарова Янина Александровна², к. филол. н., доц.
¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет
² Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко

- EN** Danilevskaja Natalija Vasiljevna¹, Dr
 Chigovskaja-Nazarova Janina Aleksandrovna², PhD
¹ Perm State National Research University
² Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko
¹ stilst@psu.ru, ² ggpi@ggpi.org

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.05.2020; опубликовано (published): 26.02.2021.

Ключевые слова (keywords): телевизионный дискурс; речевая норма; демократизация публичной речи; нарушение нормы литературного языка; television discourse; speech norm; democratization of public speech; violation of literary norm.